

«РУБИТЬ ПО ЖИВОМУ»

ИЛИ

«ИЗБАВИТЬСЯ ОТ БАЛЛАСТА»?

КАК ОЦЕНИВАТЬ ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ О СОКРАЩЕНИИ ВУЗОВ

Последнюю четверть века, ставшую для отечественной образовательной системы временем испытаний, обычно принято описывать с кризисно-алармистской интонацией. Однако есть один «упрямый» статистический момент, плохо вписывающийся в привычно-ритуальные стенания о «погибели Земли Русской»: за годы реформ не был закрыт ни один государственный вуз, не был потерян или радикально сокращен массив бюджетных студенческих мест. Хотя процентная доля «бюджетников» в общем количестве обучающихся в вузах существенно сократилась, но это произошло преимущественно за счет взрывного роста платных, коммерческих образовательных проектов. Создавались и новые государственные вузы, в существовании которых, впрочем, был легко различим вполне «рыночный» сценарий. Еще одна характерная черта – исчезновение «непрестижного» статуса «институт»: практически все организации высшего образования сегодня именуется «академиями» или «университетами».

Как относиться к этому образовательному буму? Фундаментальным, базовым моментом здесь является

то, что российская высшая школа все-таки выжила, сохранила свой кадровый потенциал – пусть даже он оказался временно распылен между множеством новых заведений с громкими именами («международный», «высший», «новый», «классический» – излюбленные определения подобных образовательных офисов).

Обычной для 1990-2000-х была ситуация, когда преподаватель работал в нескольких вузах, причем чаще всего один из них был престижный государственный университет. Там платили меньше всего, но зато существовали возможности для академической карьеры. Ради того, чтобы остаться в науке, многие были готовы терпеть и мизерные зарплаты, и кафедральную нагрузку помимо основных преподавательских часов. Все это компенсировалось заработками в коммерческих учебных заведениях, администрация которых, напротив, старалась не обременять приглашенного специалиста формально-административными моментами. Получался своего рода социально-профессиональный компромисс: известные профессора поддерживали престиж своего имени благодаря «при-

писке» к вузу-«фирме», но деньги чаще зарабатывали в других организациях – молодых, не столь авторитетных, но платежеспособных (которым, в свою очередь, необходимо было даже по чисто коммерческим соображениям привлекать к чтению лекций и ведению семинаров «звезд» из старых университетов «с именем»). Кроме того, по ряду экономических причин многим коммерческим вузам было выгоднее держать очень маленькие штаты постоянных преподавателей, укомплектовывая до 80% педагогического состава «почасовиками».

Как временная, вынужденная мера такая система оправдывала себя. Но в долгосрочной перспективе она ведет к разрушению научных школ и образовательных традиций. Качество преподавания, а следовательно, и общее качество образования, при «гастрольном» методе неумолимо снижается. Европейский и российский университетский опыт, да и элементарный здравый смысл говорят о том, что наиболее эффективно преподаватель работает тогда, когда он трудится на одном месте, имея возможность развиваться и как педагог, и как ученый. На поощрение творческой активности направлена и система sabbatical (от библейского понятия «субботный год») – оплачиваемого семестрового или годового отпуска, предоставляемого ведущими университетами своим постоянным сотрудникам (для его получения необходимо проработать на одном месте 7-10 лет). Зарубежные профессора активно используют возможности «саббатикала»: путешествуют, пишут книги, изучают новые языки. Кстати, и действующий, и новый российские законы «Об образовании» содержат нормы о предоставлении «длительного отпуска сроком до одного года, не реже, чем через каждые 10 лет непрерывной педагогической работы». Вот только в наших условиях это положение практически не работает. Ведь всем понятно: чтобы экономически остаться на плаву, подавляющее большинство вузовских преподавателей становится «многостаночниками». В данной ситуации обесмысливается сама идея «саббатикала».

Многие теоретики отечественного образования (в том числе, например, постоянный автор и собеседник «КО» Виктор Болотов) ставят вопрос о том, что профессорский труд должен быть более четко ориентирован на конкретную аудиторию, в вузах должен осуществляться индивидуальный подход к студентам. А для этого необходимо сокращать практику приглашения «почасовиков». Возможно, проблема решится сама собой в результате назревающего планового сокращения числа образовательных учреждений.

Вузы в 1990-е «размножились» самыми различными и причудливыми способами: «самозарождением», «делением», «почкованием»... В результате в настоящее время наша страна являет собой удивительное зрелище: охват молодого поколения высшим образованием приближается к ста процентам. Казалось бы, при столь мощном образовательном потенциале Россия просто обязана совершить «модернизационный рывок» в светлое «инновационное будущее». Однако эксперты и аналитики сетуют именно на недостаток интеллектуальных кадров, а для характеристики ситуации на отечественном рынке труда лучше всего подходит банальная формула: «работать некому». Суть проблемы лежит на поверхности: с начала

1990-х вузы и филиалы спешили расширять производство «образовательного продукта» преимущественно по юридическим и экономическим специальностям. При этом уже тогда ориентировались не столько на реальные потребности рынка труда, сколько на социальную востребованность дипломов и медийный престиж профессии.

Очень скоро стало ясно, что столько среднеграмотных юристов стране не нужно, но в дело уже включились иные, социально-психологические факторы. Не иметь заветных «корочек» стало просто немодно. Родилось понятие «невеста с дипломом». Особенность массового сознания в России такова: выделяются дипломы МГУ, «Бауманки», Физтеха и еще нескольких вузов; в остальных же случаях – как пошло с советских времен, так и продолжается: «поплавок¹ – он и есть поплавок». Всем известны вузы (не хочется приводить их названия в этой, сугубо теоретической и аналитической статье), где выдана государственными свидетельствами о высшем образовании поставлена на конвейер, а сами заведения превратились просто в «фабрики дипломов». Слава богу, что некоторые существующие еще образовательные и нормативные барьеры позволяют множить армии юристов, финансистов, менеджеров (чуть в меньшей степени – политологов, социологов, культурологов, журналистов), но не врачей и инженеров, от которых напрямую зависят жизни людей.

Однако при всем критическом отношении к практике «всеобщего высшего» нельзя игнорировать объективную реальность, стоящую за умножением числа образовательных учреждений. А реальность эта такова: с 1990-х годов вузы в нашей стране стали фактически единственным местом социализации молодежи. И эту свою миссию почти все они (кроме случаев явно криминальных) худо-бедно выполняют. В отличие от миссии образовательной, по поводу которой – большие вопросы. Как выразились коллеги-журналисты, «каждый подвал с партией и одним непризнанным ученым так и норовит назвать себя академией»... Молчаливый социальный контракт между абитуриентами и вузом в данном случае зачастую подразумевает, что «контора» берет на себя обязательства только по выдаче после определенных ритуальных процедур, должествующих символизировать образовательный процесс, «документа установленного образца». Желательно – диплома с престижной специальностью. Но ни фактические знания и навыки, ни реальные перспективы трудоустройства в этот контракт не входят.

Как показывают свежие данные социологических исследований, представления о престижных и непрестижных профессиях у нас все еще очень слабо связаны с реальными потребностями рынка труда. Так, по данным ВЦИОМ, самой востребованной специальностью является профессия банкира – и это в преддверии вероятной новой волны кризиса! Ректор Российского государственного гуманитарного университета Е.И.Пивовар недавно поделился своим недоумением: конкурс на юри-

¹ «Поплавок» в просторечии именовался нагрудный академический знак для окончивших советские высшие учебные заведения. Знак был введен приказом министра высшего и среднего специального образования СССР от 8 апреля 1961 года; имел форму слегка выпуклого ромба, покрытого эмалью, поверх которой помещалось золотистого цвета изображение герба Советского Союза.

дический факультет РГГУ составляет 49 человек на место, на экономику рвутся 39 человек на место, на менеджмент – 45... А на классические для данного вуза, наиболее отточенные специальности – документоведение и архивное дело – конкурс составляет всего восемь человек на место. Притом что, по словам Е.И.Пивовара, «специальность эта, по нашим прогнозам, в будущем окажется востребована. Дело в том, что сейчас появляется все больше частных архивов для хранения документов коммерческих компаний, электронных архивов, и грамотные специалисты смогут легко найти работу»... Все же некоторые подвижки в области выбора будущей профессии есть: так, впервые за много лет социологи зафиксировали повышение востребованности производственных специальностей, в частности, инженерных и строительных.

Определяющей тенденцией 1990-х было самоустранение государства, минимизация его участия во многих сферах, в том числе и в образовании. Между тем нормальное государство, имеющее стратегию развития экономики, должно прогнозировать и свои потребности в специалистах тех или иных направлений. Поворот к некоторой стратегической вменяемости и адекватности, состоявшийся на рубеже веков, означал «возвращение часового» и в сферу средней и высшей школы. Устами высших чиновников образовательной сферы была озвучена идея о переизбытке специалистов определенных профессий, низком качестве их образования и – как следствие – об избыточности подготовки по определенным специальностям. Со всей остротой стал вопрос о сокращении числа вузов. Одно время в правительстве предпочитали говорить именно об уменьшении общей номенклатуры высших учебных заведений, о сжатии численности юридических лиц, осуществляющих образовательные услуги, – но никак не о сокращении фактических учебных мест. Хотя в связи с прохождением пресловутой «демографической ямы» логичным стало выглядеть решение и об укорачивании федеральной студенческой скамьи.

Министр Андрей Фурсенко, никогда не боявшийся выступать с плохими новостями, летом 2008 года со всей определенностью заявил: общее уменьшение

населения, перепроизводство юристов и экономистов, переполненность рынка труда вакансиями для специалистов со средним специальным образованием требуют сокращения значительного числа вузов. Как полагают многие эксперты, этим же целям «прополки» призван был послужить и единый госэкзамен: благодаря ему правительство якобы надеялось отсеять значительную часть потенциальных вузовских выпускников, чтобы затем вырастить из них «пэтэушников». Подобную «расшифровку» намерений власти предлагал, в частности, член думского Комитета по образованию Иван Мельников. Существовали или нет подобные коварные замыслы – теперь судить трудно. Ясно одно:

«страшный монстр» ЕГЭ, вместо того чтобы превратиться в непреодолимую преграду на пути к высшему образованию для миллионов молодых россиян, полностью ликвидировал прежний формат поступления на конкурсной основе и обеспечил практически абсолютную возможность поступления для каждого, хотя и не в любой вуз. Иначе и быть не могло: понимая, что совсем лишиться студентов для них смерти подобно, многие государственные учреждения образования начали принимать к себе абитуриентов, не блещущих, мягко говоря, успехами в науках.

Уже 3 сентября 2008 года А.Фурсенко, выступая на «правительственном часе» в Государственной думе, жаловался, что конкурс на ряд технических специальностей в государственных вузах составляет менее 1 человека на место! «Берут практически всех, – невольно замечал министр, – даже тех, кто набрал на ЕГЭ 20-25 баллов (то есть получил двойку)». Во время этой встречи с парламентариями Фурсенко озвучил важную информацию: начинается реформа образования (кажется, она так и не прекращается с андроповских времен!). Один из ее существенных компонентов – ужесточение требований к вузам: «не бывает вузов второго сорта, как не бывает осетрины второй свежести». Министр объявил, что некоторые частные вузы откровенно торгуют дипломами и предоставляют за деньги отсрочку от армии. Выход, по его словам, заключался в том, чтобы объединять откровенно слабые вузы с более сильными учебными заведениями или понижать их статус до уровня техникума или колледжа – чтобы диплом выпускника отражал его реальные знания.

«Владимир Путин спросил меня, – вспоминал Фурсенко, – сколько наших университетов отвечает мировому уровню. Я честно ответил: не больше 50. Плюс еще 150-200 институтов, в которых дается образование надлежащего качества. Однако это не значит, что перед нами стоит задача непременно закрыть 1000 вузов, мы лишь ужесточаем требования к качеству обучения». А качество обучения в организациях высшего образования, по его словам, «страшно упало». Кроме того, согласно приведенным им данным, вследствие демографического спада каждый год количество абитуриентов в России уменьшается на 20%; в 2006 году закончили 11-й класс 1 млн 300 тыс. человек, а в 2012 году ожидалось лишь 700 тыс. выпускников. Фурсенко объявил тогда, что началась разработка новых критериев отнесения вузов к университетам, академиям и институтам; не соответствующие установленным требованиям вузы будут беспощадно закрываться.

Заявления непопулярного министра немедленно вызвали шквал критики как со стороны левых парламентариев и вообще оппонентов власти, так и со стороны определенной части преподавательского сообщества. Основной набор критических аргументов не претерпел никаких изменений с 2008 года и продолжает повторяться ныне. Позицию КПРФ озвучил депутат Иван Мельников: идея сокращения вузов «попахивает философией либералов, которые в 90-е годы утверждали, что чем больше пожилых людей покинет этот мир, тем меньше проблем будет с выплатой пенсий... Аргументы о плохой демографии и слабом уровне подготовки выпускников школ больше похожи на оправдания». Левые многозначительно высказывали опасения, что наряду с давно назревшим закрытием «контор по выдаче дипломов» под нож пойдут и вполне достойные учебные заведения, а это сделает и без того недешевое высшее образование привилегией элиты и окончательно остановит социальный лифт.

Как пример позиции значительной части педагогов, связавших свою судьбу с новыми учебными заведениями, приведем мнение первого проректора основанной в 1994 году Международной академии бизнеса и управления, доктора социологии Екатерины Добренковой, высказанное в интервью интернет-изданию Страна.Ru. По словам Е.Добренковой, «истинная причина вышеозначенной кампании состоит в попытке экономии бюджетных средств (средств на финансирование) и существенного сокращения вузовской материальной базы. Это ведь единственная в нашей стране сфера, которая еще осталась неприватизированной, притом что она обладает огромными материальными ресурсами, включающими не только учебные корпуса, но также спортивные базы, дома культуры, санатории, пансионаты, общежития. Поэтому сокращение количества вузов высвободит значительную инфраструктуру, которую можно будет впоследствии приватизировать и продать».

«Откровенной демагогией» назвала Е.Добренкова и разговоры о том, что перенасыщенность рынка специалистами с вузовскими дипломами усиливает кризис на рынке менее квалифицированного труда: «Последствия сокращения числа вузов с неизбежностью приведут к падению квалификации персонала на нашем рынке труда, а соответственно, к падению нашей экономической конкурентоспособности». Еще более

серьезными могут быть социальные последствия: расслоение общества, формирование слоя аутсайдеров, работающих за кусок хлеба. В регионах, где образование в основном держится за счет вузов среднего звена, получение высшего образования станет проблематичным. В обществе воцарится «упрощенный общекультурный стандарт».

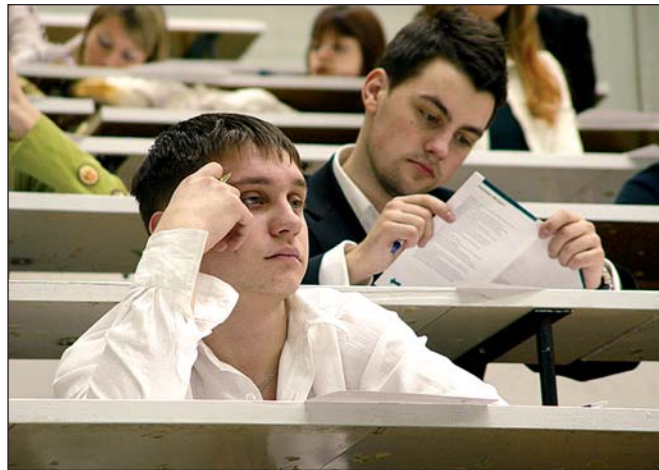
Интересным представляется такой аргумент дамы-профессора: «Уменьшение возможности получения высшего образования снизит веру родителей в социальное будущее своих детей, а значит, приведет к снижению рождаемости: если нет возможности «выучить» собственных детей, то зачем их рожать?» Критики курса Минобрнауки также обращали внимание на то, что сокращение бюджетных мест в связи с прохождением «демографической ямы» как минимум недальновидно: через десять лет начнут сказываться результаты государственной поддержки рождаемости, и что тогда? Вновь открывать вузы?..

Уже тогда, четыре года назад, было ясно: главный вопрос не в количестве, а в качестве. Кто, например, в здравом уме будет протестовать против того, что компактный вуз в провинции, оснащенный добротной материально-технической базой и профессорско-преподавательским составом, сможет дать своим студентам прекрасное образование и будет успешно конкурировать с вузами-гигантами? Вот, скажем, недавнее интервью ректора Казанского государственного архитектурно-строительного университета Р.К.Низамова изданию Kazan24. «Своим примером мы стремимся показать, – говорит ректор, – что относительно небольшие университеты могут хорошо работать и заполнять ту нишу, которую им выделяет общество. КГАСУ, согласно рейтингу Министерства труда, занятости и соцзащиты Республики Татарстан, занимает первое место по соотношению стоимости обучения, востребованности выпускников на рынке труда и уровню зарплат. Среди строительных вузов России мы занимаем второе место: компактный вуз, можем похвастаться благоустроенным кампусом, самой дешевой студенческой столовой. В КГАСУ приходят люди, понимающие, что учиться сложно. Тех, кто этого не может понять, мы отчисляем».

Но подобные позитивные примеры пока все же не стали нормой. Немалый общественный резонанс, который вызвала озвученная Фурсенко идея о сокращении вузов, привел к тому, что принятие жестких и радикальных мер по «оптимизации» сети учреждений высшей школы существенно притормозилось. Пока что первым, наиболее заметным проявлением рефор-

мы стало слияние вузов, обычно по принципу: более сильный (в экономическом, но далеко не всегда в интеллектуально-кадровом отношении) поглощает более слабого. Программа развития сети подведомственных Минобрнауки вузов на 2010/11 год констатировала необходимость «ликвидации избыточной сети образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов низкого качества; по невостребованным рынком труда специальностям; а также учреждений, дублирующих профили и направление подготовки кадров». При этом в документе подчеркивалось, что «по результатам реализации программы сеть подведомственных высших учебных заведений может сократиться с 344 до 230-250». Педагогическое образование, в соответствии с планами Минобрнауки, должно развиваться путем «создания центров педагогического образования на базе веду-

Процесс слияния вузов, как известно, не стал оптимальным паллиативом, с которого можно было бы постепенно начинать реформу – он вызвал не только немало критических замечаний, но даже уличные протесты. Наиболее чувствительным оказался, как всегда, вопрос о «социальной цене реформ». Важнейшим моментом стало обеспечение своего рода «презумпции невиновности», или, точнее, добросовестности учащегося: при любых изменениях статуса вуза уже поступивший в него молодой человек не должен оказаться «на улице». При этом не до конца проработанными остались критерии отнесения тех или иных учебных заведений к «неперспективным». Противники сокращения вузов говорили, что под нож могут попасть вполне состоятельные в образовательном плане учебные заведения, не отвечающие какому-нибудь формальному требованию, вроде количества мест в раздевалке. Тем самым профессиональное сообщество еще раз получило возможность убедиться: решающее значение на сегодняшнем этапе преобразований обретает вопрос о реальном качестве образования и верифицируемых критериях его оценки.

Все определила позиция верховной власти, еще раз продемонстрировавшей, что реформа образования – отнюдь не инициатива Фурсенко или любого другого министра: она проводится в соответствии с общей стратегией развития страны. В первый же день после своего возвращения в президентский кабинет, 7 мая 2012 года, В.В.Путин подписал Указ №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». В нем, в частности, правительству поручалось «обеспечить проведение до конца декабря 2012 года мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы, реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений, предусмотрев при реорганизации таких учреждений обеспечение права обучающихся на завершение обучения в других государственных образовательных учреждениях».

Таким образом, был определен механизм реформы: всероссийский мониторинг вузов, за которым неминуемо должны последовать неприятные для многих «оргвыводы». Новый министр образования Дмитрий Ливанов уже в самых первых своих выступлениях дал понять, что будет проводить жесткую линию на «консолидацию ресурсов». На совещании в министерстве 10 июля 2012 года Д.Ливанов объявил, что

«Помогать перспективным и эффективным; повысить качество и доступность образования...»

...Хотел бы подробнее остановиться на системе образования. Здесь также необходимы серьезные структурные преобразования и изменения. У нас есть высшие учебные заведения, которые предоставляют студентам абсолютно невостребованные на рынке труда услуги – некачественное образование... Некоторым таким псевдовузам зачастую не удается заполнить даже бюджетные места. Необходимо до конца текущего года выявить неэффективно работающие государственные вузы. Программа их реструктуризации, в том числе за счет присоединения к более сильным учебным заведениям, должна быть разработана и утверждена до мая 2013 года... Если раньше удастся, будет еще лучше.

Оздоровление системы высшего образования позволит увеличить финансирование сильных вузов и повысить заработные платы преподавателям и профессорам. Главное – обеспечить необходимый объем бесплатного, но при этом качественного высшего образования. Это, кстати говоря, не значит, что помогать нужно только сильным, я совсем не призываю к этому, я призываю к тому, чтобы помогать перспективным и эффективным. Они не всегда являются сильными даже с экономической точки зрения...

Подчеркну, в ближайшие годы нам предстоит повысить качество и доступность всех уровней образования...

Президент РФ В.В.Путин.

Выступление на Совещании по реализации указов Президента в сфере социальной политики. 11 июля 2012 года

щих педагогических и классических университетов с включением в структуру этих центров на договорной основе региональных институтов повышения квалификации работников образования».

«за три года предстоит провести сокращение госвузов на 20%, а филиалов – на 30%». Инструментом проведения оценочной политики станет созданная Минобрнауки информационно-аналитическая система под незатейливым названием «Мониторинг».

Инициативы власти получили поддержку элиты ректорского сообщества. Российский союз ректоров и Ассоциация ведущих университетов России активно включились в разработку критериев оценки государственных вузов и предложений по проведению мониторинга. Совершенно очевидно, что сами вузы – как государственные, так и негосударственные – заинтересованы в жестких мерах по очищению образовательного пространства от недобросовестных игроков. На сегодняшний момент существенным вопросом остается степень реального участия, действенной вовлеченности корпоративного образовательного сообщества в проведение мониторинга. Вероятно, следует ожидать особой активности на данном направлении от отраслевых ассоциаций вузов, активно создаваемых в последнее время. Однако гораздо большим авторитетом и доверием пользовались бы результаты независимой экспертизы качества, осуществляемой в рамках международно признанных процедур аккредитационными агентствами. Профессионализм и репутация таких агентств могут стать решающими факторами в выстраивании новой конфигурации государственно-частного партнерства в сфере образовательного аудита.

У значительной части работников профессионального цеха (особенно в провинции) сохраняются опасения по поводу сокращения вузов среднего по численности эшелона. Эти страхи озвучил недавно на встрече с Председателем Правительства РФ О.Н.Смолин (депутат от КПРФ и сам практикующий преподаватель). «Большинству вузовского сообщества не очень понятно, по каким критериям будет проводиться аккредитация... Вообще, Дмитрий Анатольевич, нет доказательств того, что крупные вузы непременно лучше по качеству образования. В мире обычно лучшие по качеству образования – средние вузы по размеру, а самые крупные вузы по качеству образования обычно бывают средними».

Ответ премьер-министра показал всю степень твердости правительства в отстаивании реформ: «Я согласен, что размер вуза не гарантирует его качество. Хотя, если говорить откровенно, в нашей стране пока гарантирует: в принципе – нет, а в нашей стране – пока да. Чем крупнее вуз, тем все-таки, как правило, в нашей стране выше уровень образования, в силу того, что просто крупными являются классические университеты, классические инженерные вузы. Но нет, конечно, правил без исключений, много появилось новых хороших тоже образовательных учреждений, которые и небольшие по размеру, и дают качественное образование. Но что, на мой взгляд, абсолютно очевидно, общее количество высших учебных заведений в нашей стране превосходит все разумные рамки. Куда нам до Советского Союза, в котором было 300 млн человек и 600 высших учебных заведений? Страна изменилась, да, она стала меньше, но в то же время тяга к высшему образованию стала гораздо более высокой... И тем не менее Карфаген должен быть разрушен, а значительная часть вузов, которая не отвечает современным критериям, должна быть реор-

ганизована, а в конечном счете закрыта, это мое абсолютное глубочайшее убеждение».

И вот – практическое решение. 8 августа 2012 года издано инструктивное письмо Минобрнауки о проведении мониторинга деятельности госвузов и их филиалов. Цель мониторинга определена четко: формирование статистических и аналитических материалов для последующего принятия решений о группе неэффективных образовательных учреждений, подлежащих реорганизации. Сроки сбора статистической информации поставлены сжатые – с 10.00 15 августа до 18.00 15 сентября; для управления отчетностью разработана специальная электронная версия предоставления данных. В мониторинге пять блоков показателей – собственно образовательные характеристики, научная деятельность вуза, его международная деятельность, финансово-экономическая успешность, инфраструктура. По словам заместителя министра образования и

науки РФ Александра Климова, задача мониторинга «заключается в том, чтобы каждый вуз был в состоянии объяснить обществу, работодателям и студентам собственное предназначение и стратегию действий».

В какой степени реформа коснется негосударственных вузов? Комментируя эту проблему для «РИА Новости», А.Климов заявил: «Напрямую наша программа мониторинга негосударственных вузов не касается. Однако сейчас мы активно обсуждаем возможные варианты внесения изменений в нормативную базу в области образования в части контроля качества обучения. Очевидно, что требования к обеспечению качества обучения должны быть едиными как для государственных, так и для негосударственных вузов. Государственная политика в сфере образования должна обеспечивать права граждан на получение качественного профессионального образования в любом вузе».

Итак, трудное решение о реорганизации сети вузов в стране принято. От активной позиции профессорско-преподавательской общественности, экспертных организаций и широких гражданских кругов во многом зависит, станет ли эта реформа чисто административной, фискально-карательной мерой, или она превратится в эффективный механизм решения насущной проблемы качества высшей школы.

Сергей Илюшин

качество www.edu-quality.ru
ОБРАЗОВАНИЯ